

В.Л. ТАМБОВЦЕВ

Правила как основа институтов

В статье обсуждается, что представляют собой правила как базисный компонент институтов, могут ли они быть неявными, нормативными сами по себе, индивидуальными или только коллективными, а также какого типа правила могут выступать в качестве “строительных блоков” институтов. Привлекаются результаты широкого круга научных дисциплин – от философии до нейронаук.

Ключевые слова: институты, правила, имплицитность, нормативность и социальность правил, конститутивные правила.

Rules as the institutions' cornerstones are discussed: what are the rules? May the rules be implicit? Are their normative as such or not? Are their collective only or individually too, and what kinds of rules may be a building block for institutions? Rigorous definition of rule is introduced, and it is shown that constitutive rules are not cornerstones for institutions. Discussion based on the results of variety of scientific disciplines, from philosophy to neuroscience.

Keywords: institutions; rules; implicit, normative, and social rules; constitutive rules.

В настоящее время понятие института широко используется во всех науках об обществе, хотя значение этого термина различается между отдельными дисциплинами весьма широко. Более того, внутри одной дисциплины (и даже субдисциплины) могут сосуществовать глубоко различные его понимания. Например, внутри новой институциональной экономической теории имеются две трактовки: (1) институты как правила в единстве с тем или иным механизмом принуждения к исполнению и (2) институты как равновесия в некоторой игре (см., например, [Greif, Kingston, 2011]).

Будучи сторонником первой из них [Тамбовцев, 2013], я рассмотрю в этой статье понятие правила. Оно применяется и обсуждается в различных науках, начиная от математической логики (см., например, [Gomolińska, 2002; Zhou, Zhang, 2008]) и философии [Wittgenstein, 1953; Kripke, 1982; Stueber, 2005; Bernasconi-Kohn, 2006] и кончая поведенческими (см., например, [Ribes-Iñesta, 2000]) и нейронауками (см., например, [Bunge... 2005; Noelle, 2012]). Практически везде этот термин имеет разные значения, что отмечается многими авторами (см., например, [Reese, 1989; Hayes, Hayes, 1989; Ostrom, 1986]).

В науках о поведении, к числу которых относится и экономика, бытуют два основных понимания термина *правило*: алгоритмическое (“в ситуации X (всегда) делай Y ”) [Hodgson, 1988, p. 185] и телеологическое, дополняющее алгоритм указанием на цель, к которой стремится индивид (“если (хочешь, нуждаешься, требуется) X , делай Y в условиях Z ”).¹ У экономистов, обсуждающих эти вопросы, встречаются оба понимания.²

¹ Или “если x , делай y в условиях z ” [Lawson, 2003, p. 162].

² Особую позицию в отношении содержания термина *правило* занимают Э. Остром и ее последователи [Ostrom, 1986], фактически называющие правилом то, что другие называют институтом.

Вместе с тем, с точки зрения И. Аль-Амуди, правила – не алгоритмы, а императивы, “обобщаемые, хотя и контекстно-зависимые”, причем эта императивность обусловлена *желаниями* индивидов [Al-Amoudi, 2010, p. 292–293]. Иначе говоря, он отождествляет правила с *гипотетическими императивами* И. Канта.

В психологии проблематика правил стала острой в связи с так называемым *поведением, руководимым правилами* (*rule-governed behavior*, далее для краткости ПРП). Понятие ПРП было введено известным психологом-бихевиористом Б. Скиннером [Skinner, 1966]³ для объяснения сложного поведения, выходящего за рамки действий, укладываемых в его схему “стимул–реакция” (отдергивание руки от горячего, уклонение от движущегося автомобиля и т.п.)⁴. С его точки зрения, в ряде случаев роль стимула могли играть формулируемые кем-то правила, и именно ПРП отличает человеческое поведение от действий животных.

Последующие исследования показали, однако, что животные могут не только выработать для себя *аналоги* правил⁵, но и использовать их в *новых* условиях, то есть переносить опыт, приобретенный в одних ситуациях, на другие [Murphy... 2008]. Тем самым, трактовка ПРП как исключительно *человеческого достояния*, не выдержала проверку опытом. Более того, само это понятие, на мой взгляд, неконструктивно, поскольку относит в одну категорию как сугубо личные правила, то есть *привычки* (например, *как правило*, не пить кофе), так и “внешние” правила, используемые *многими индивидами* (например, правила умножения). Тем не менее инициированное понятием ПРП внимание к правилам породило ряд дискуссий, важных для нашего анализа⁶.

Во-первых, это обсуждение *продуктивности* самого *понятия* правила, инициированное Л. Витгенштейном (см. [Kripke, 1982]). Логика его сомнений такова: правила обуславливают регулярности; однако существует бесконечно много правил, которые могут любую конкретную породить. Следовательно, понятие правила, хотя и обладая некоторой объяснительной силой, является дезориентирующим, и его следует заменить другими понятиями, более адекватными для выражения деятельности агентов по осмыслению мира⁷.

В действительности же, неконструктивной представляется жесткая *связь* регулярности и правила. Существование правила вовсе не обязательно обуславливает наблюдаемые регулярности. Например, такое правило, как “в случае неуверенности, куда идти, выбирай направление случайно” каких-либо *наблюдаемых* регулярных последствий иметь не будет. И наоборот, наблюдаемые регулярности могут быть следствием схожих дискреционных решений, независимо принимаемых индивидами в схожих условиях. Например, регулярностью является спуск людей с десятого этажа здания по лестнице или на лифте, хотя никто не запрещает и прыгнуть сверху прямо на землю: *правила нет*, но *регулярность* есть.

Во-вторых, подлежит обсуждению вопрос о том, что означает *следовать правилу*. С точки зрения К. Штюбера, “мы считаем агентов следующими правилам, если и только если агент сам имеет некоторое понимание того факта, что его поведение может быть нормативно оценено и что он может признавать ошибки в свете определенных нормативных стандартов, которые он признает релевантными для таких оценок” [Stueber, 2005, p. 318]. Тем самым он подчеркивает *сознательность* соответствующих действий.

³ О дальнейшем развитии этой трактовки правил см., например, [Baum, 1995].

⁴ Часто называемое “поведением, обуславливаемым обстоятельствами” (*contingency-shaped behavior*).

⁵ Что вполне естественно, поскольку они способны к запоминанию, обучению, обобщению и другим ментальным операциям.

⁶ Проблематика и терминология ПРП вошли также и в экономическую теорию (см., например: [Clague, 1993; Kapur, 1999; Kaisla, 1998; Vanberg, 2007]).

⁷ Другое направление критики понятия правила исходит от социологии. Так, А. Ожбен предлагает заменить его понятием *деталей текущего действия* (*details of an ongoing action*), которые и призваны объяснить конкретные особенности координации в конкретных условиях [Ogien, 2009].

Существует, однако, и другой подход, допускающий *неосознанное* следование правилу. Согласно Ф.Хайеку, термин правило «используется для утверждений, которыми могут быть описаны регулярности поведения индивидов, независимо от того, “знают” ли они правило в смысле, отличном от того, что они нормально действуют в соответствии с ним». Соответственно, в рамках действий, руководимых правилами, «индивид не нуждается в том, чтобы явно знать (быть способным специфицировать, дискурсивно описать или “вербализовать”»)» (цит. по [Hodgson, 2006, p. 4]) эти правила. Как замечает в этой связи Дж.Ходжсон, «для Хайека, следовательно, правило – это любая поведенческая диспозиция, включая инстинкты и привычки, которые могут вести к “регулярностям поведения индивидов”» [Hodgson, 2006, p. 4].

К. Штубер характеризует такие подходы как “когнитивную модель следования правилу”. В ней правила играют роль причин, потому что они внутренне представлены в нашей когнитивной системе без того, чтобы агент имел сознательный доступ к этим внутренним репрезентациям [Stueber, 2005]. Такое широкое понимание, как представляется, неконструктивно: ведь в форме правила можно описать *любое* действие или совокупность действий, в том числе и те, которые не демонстрируют какой-либо регулярности (скажем, такое правило как “не следовать никакому правилу”).

Явные и неявные правила

К данной группе вопросов тесно примыкает проблема *неявных* (имплицитных) правил. Ключевым здесь выступает само понятие неявности⁸. Так, согласно П. Бурдые, неявное знание – то, “которое существует в практическом состоянии, в практике агентов, но не в их сознании или дискурсе”. Ф. Герранс трактует его так: “*неявное знание* – это знание, неосознанно владеемое агентом либо не могущее быть им артикулированным в форме высказываний, но которое, тем не менее, регулирует его деятельность” [Gerrans, 2005, p. 54]. Неосознанность и неартикулируемость знаний – разные характеристики последнего, и соединение их (тем более, дизъюнктивно) в одном определении может породить трудности идентификации самого объекта – неявного знания.

Психолингвисты Д. Слобин и Дж. Грин [Слобин, Грин, 1976] отмечают, что правила построения высказываний на естественном языке относятся к области бессознательного, а сама *языковая способность* индивида базируется на системе правил, существенную часть которых, согласно Н. Хомскому [Хомский, 1965], составляют правила порождения правильно построенных высказываний. Эту способность Хомский полагал *врожденной*, имманентно присущей людям, хотя и реализующейся по-разному в различных обстоятельствах.

В то же время, по мнению М. Пелез и Р. Морено, *явные* правила ясно фиксируют компоненты ситуации и их контекст, в то время как в *неявных* некоторые компоненты не отражены, либо потому, что не названы, «либо потому, что выражены так, что неидентифицируемы во времени и пространстве. Примером неявного правила, где пропущены некоторые компоненты ситуации, может быть такое: “Когда ведешь машину, где пропусти на дорогу”, где не специфицированы последствия» [Pelaez, Moreno, 1999, p. 22]. Фактически под явными здесь понимаются *полные* правила, а под неявными – неполные, опирающиеся на *общее понимание* индивидом внелингвистического контекста, в котором они используются. Отмечу также, что приведенный пример полностью соответствует “формуле” правила согласно Ходжсону.

К. Сейлен и И. Циммерман, проектировщики компьютерных игр, называют имплицитными “неписанные социальные правила, управляющие игрой” (цит. по [Montola, 2008, p. 25]), психолог К. Каллен отождествляет имплицитные правила с рутинными [Cullen, 1998, p. 472], специалисты по искусственному интеллекту определяют персональные правила как “стандартные паттерны действий” (standard action patterns), то

⁸ Существует обширная литература, обсуждающая исходную его трактовку М. Поланьи и ее интерпретацию в последующих исследованиях (см., например, [Nielsen, 2002; Tsoukas, 2003; Gourlay, 2006] и др.).

есть фактически как привычки [Campos, Dignum, Dignum, 2009, p. 268]. Таким образом, налицо многообразие пониманий неявных правил.

На мой взгляд, *правило существует только тогда и такое, как его формулирует* некоторый субъект (индивид). Такая формулировка может и разделяться, и не разделяться другими индивидами, схожим образом действующими в схожих ситуациях⁹. Важно, что *следование* правилу возможно, если только оно как-то *сформулировано*. Соответственно, представления о существовании несформулированных, или имплицитных, правил некорректны, ибо в таком случае возникают противоречия. Это четко выразил Н. Плезан: “Идея неявного следования правилу, или следования неявному (*tacit*) правилу, более чем неуместна. Как кто-то может неявно следовать **некоторому** правилу (*a rule*)? Что это значит – ни сознательно, ни бессознательно следовать правилу? Что это за загадочный промежуточный способ действий? Поэтому я могу заключить, что неявное следование правилам – это оксюморон” [Pleasants, 1996, p. 295].

Важность явного разграничения между поведением, *описываемым* правилом(ами), и поведением, *руководимым* правилом(ами), подчеркивает Д. Ноэль, опираясь на исследования работы мозга. «Для поведения, руководимого правилом, последнее должно быть представлено или закодировано в нейронной сети, и такая физическая репрезентация должна иметь соответствующую причинную силу для производства действия... поведение может хорошо описываться простым правилом, без того, чтобы правило было действительно отображено в мозге. Это ставит вопрос: как мы можем осознать, что правило явно представлено в мозге... для эксплицитных правил, руководящих поведением, должны иметься соответствующие нейронные репрезентации, которые могут становиться “активными” в рабочей памяти”. “Данные как электрофизиологии, так и нейровизуализации дают основание предположить, что активная информация в рабочей памяти закодирована в регионах префронтальной коры” [Noelle, 2012, p. 454–456], заключает Ноэль, ссылаясь на эмпирические работы (например, [Wallis, Anderson, Miller, 2001]).

Таким образом, “имплицитные правила” – правила в форме неявного знания, не представленные в нейронах префронтальной коры, – в сущности, не правила, а *условные рефлексы*, которым можно *придать форму* правил (*наблюдатель* может их вербализовать), но прекрасно действующие и без такой трансформации. Таковы, например, алгоритмы езды на велосипеде или плавания: однажды научившись, человек воспроизводит соответствующие действия без участия сознания. Более того, поскольку алгоритм оказался переведен на внутренний язык электрохимических сигналов, его “обратный” перевод в словесную форму оказывается практически невозможным, поскольку (1) индивид не воспринимает, что происходит в его нервных и мускульных тканях, и (2) в языке нет терминов, которые обозначали бы те или иные микросостояния последних¹⁰.

Теоретико-игровой подход к проблеме следования правилам предложен Дж. Силлари [Sillari, 2013], трактующим правило, которому следуют, как *конвенцию*, то есть *равновесие* в некоторой игре, соотнося нормативность правил с существованием сообществ, корректирующих действия индивида.

Нормативность правил

Понятие нормативности трактуется исследователями поведения, как минимум, в двух смыслах: широком и узком. В первом к нормативным относятся фактически все *оценочные* суждения. Например, Д. Паттерсон пишет: «Под “нормативностью” я

⁹ Прекрасный пример – в рассказе А. Азимова про роботов, которые уверовали в некое божество, и свои действия по удержанию энергетического луча в определенной точке поверхности Земли объясняли тем, что такова воля этого божества [Азимов, 1964].

¹⁰ М. Дэвис [Davies, 2000] предлагает различать даже *три* уровня описания: персональный (эксплицитно знаковый), субперсональный, на уровне *механизмов* обработки информации, и нейробиологический уровень, причем знаки последних двух самому индивиду, внутри организма которого осуществляются эти описания, просто непонятны.

имею в виду идентификацию способа, которым говорящий на языке оценивает асерторические высказывания в терминах “правильно” и “неправильно”, или “истинно” и “ложно”» [Patterson, 2001, p. 328]. Исследования психологов показывают, что представления о нормативности правил складываются у детей в самом юном возрасте [Rakoczy... 2009; Rakoczy, Tomasello, 2009], поскольку они начинают поправлять других, если те ошибаются в следовании правилам игры. Что характерно, при этом они учитывают *статус* нарушителя [Schmidt, Rakoczy, Tomasello, 2012].

Последователи Витгенштейна полагают правила нормативными, поскольку существуют сообщества (*communities*), “поправляющие” тех, кто применяет правила некорректно: “Любой индивид, заявляющий, что овладел понятием сложения, будет оцениваться сообществом как действительно совершивший это, если его результаты согласуются с результатами сообщества в большинстве случаев... Индивид, прошедший такую проверку, принимается в сообщество как сумматор” (цит. по [Sillari, 2013, p. 2]). Легко видеть, однако, что упомянутые сообщества, если они существуют, как раз и представляют собой гарантов нормативности правил, *частью* которого оказывается правило. Без таких гарантов говорить о нормативности правил *per se* не представляется возможным.

Нормативность во втором узком смысле означает *предписательность*, наличие *долженствования*. Так, Е. Виман и его соавторы отмечают: “Некоторые виды деятельности, особенно имеющие более конвенциональную природу, имеют *нормативное* качество – внутри группы неявно принято, что они *должны* выполняться определенным способом” [Wyman, Rakoczy, Tomasello, 2009, p. 146]. Для экономики свойствен именно этот подход [Hands, 2012], ему я и буду следовать, обсуждая эту проблему.

Многие исследователи считают, что нормативность – неотъемлемая черта правил. Так, С. Шиманов прямо пишет: правила – это “предписания, которые означают, что поведение обязательно, предпочтительно или запрещено в определенном контексте” [Shimanoff, 1980, p. 57]. Такой же точки зрения придерживается Э. Остром: “Другая характеристика правил – их предписательная сила. Предписательная сила означает, что знание и принятие правила приводит индивидов к осознанию того, что если они нарушат правило, то другие индивиды могут признать их ответственными... Индивид может быть признан ответственным другими участниками, принимающими правило, или специалистами, – арбитрами или государственными служащими, – которые отслеживают деятельность других” [Ostrom, 1986, p. 6]). Разделяют этот подход также Д. Норт и Дж. Уоллис (“Правило суть правило, потому что если вы нарушите его, вы несете издержки” [Wallis, North, 2013, p. 18]), и многие другие исследователи поведения.

По-моему, признание нормативности правил среди экономистов во многом проистекает из нечеткости терминологии. Ведь в экономической теории *нормативными* (в узком смысле) являются *институты*¹¹, поскольку их составные части – внешние механизмы принуждения к исполнению соответствующих правил (по крайней мере, в рамках понимания институтов как правил, а не как равновесий). Правила же *сами по себе* лишены какой-либо нормативной окраски¹²: они ничего не предписывают и не запрещают; они лишь “говорят”: *если*, пребывая в *S*, хочешь получить *R*, действуй в соответствии с правилом *R*, хотя можешь действовать и как-то *иначе*. Скажем, правила алгебры, такие как $(a + b)^2 = a^2 + 2ab + b^2$, вовсе не *предписывают* вычислять квадрат суммы именно так, можно вычислять его и *иначе*, однако вычисление по *формуле* (по *правилу*) *сокращает усилия*.

Поэтому смешение (или отождествление) правил и институтов, способное вести к не вполне корректным утверждениям, вряд ли можно считать оправданным (даже стилистическими соображениями).

¹¹ Да и то не все: например, *конвенции* не являются таковыми (см. [Guala, 2012]).

¹² Иначе считают многие правоведы, в том числе отечественные. В противном случае трудно объяснить, почему в значительном числе нормативных актов отсутствуют ссылки на санкции, которые могут последовать в случае их нарушения.

Индивидуальные и социальные правила

По поводу соотношения *индивидуальных* и *социальных* правил исследователи также придерживаются несхожих мнений. Так, А. Кампос и его соавторы определяют персональные правила как “стандартные паттерны действий” (*standard action patterns*), как “его/ее принципы, этический или моральный кодекс, устанавливающий, что должно и что не должно делать” [Campos, Dignum, Dignum, 2009, p. 268], сторонники философии Витгенштейна считают индивидуальные правила невозможными [Наукіоја, 2005], Ходжсон определяет индивидуальное правило как установку или предписание: “в обстоятельствах *x* делай *y*” [Hodgson, 1988, p. 185], и т.д. По мнению Аль-Амуди, есть как индивидуальные, так и социальные правила, причем правило является социальным “тогда и только тогда, когда оно внутренне соотносено с одним или более социальным отношением. Внутренняя соотношенность социального правила с социальными отношениями означает несколько вещей. Прежде всего, она означает, что правило таково, каково оно есть, поскольку социальные отношения таковы, каковы они есть, и наоборот, они таковы, поскольку правило таково... Внутренняя соотношенность социальных правил и отношений также предполагает, что существенное изменение правила... конституирует *ipso facto* существенное изменение социального отношения... Социальные правила также внутренне соотносены с социальными позициями/идентичностями в той мере, в какой последние внутренне соотносены с социальными отношениями” [Al-Amoudi, 2010, p. 299]. Понять из приведенных разъяснений, что же такое “внутренняя соотношенность”, практически невозможно.

Полагаю, персональные (или индивидуальные) правила не только *возможны*, но и *существуют* в реальности как результаты обучения методом проб и ошибок решению различных задач. Другими словами, тут мы имеем индивидуальные приемы успешного (по мнению индивида) решения этих задач. При многообразии нечасто встречающихся задач у выработанных правил мала вероятность приобрести свойства условных рефлексов, так что следование им возможно только при переходе их в оперативную память, то есть после экспликации. Очевидно, такие правила не имеют *сами по себе* нормативного характера и *не приобретают* его за счет *корректирующей* деятельности сообщества (что полагают необходимым для нормативности социальных правил Витгенштейн и его последователи [Kripke, 1982, p. 91–92]). Коррекция таких правил происходит за счет того, что индивид, выработавший правило и применивший его неадекватно, сталкивается с *неуспехом* (а в худшем случае – с *прямым ущербом*).

Конститутивные правила

Особый феномен представляют так называемые *конститутивные* (или устанавливающие, *constitutive*) правила. Дж. Сёрл предложил различать “регулятивные правила, регулирующие ранее существующую деятельность, существование которой логически независимо от правил”, и “конститутивные правила, конституирующие... деятельность, существование которой логически зависит от этих правил” (цит. по [Lorini, 2012, p. 140]). Конститутивные правила имеют форму “*X* принимается за *Y* в контексте *C*”. Например, в контексте шахматной игры определенным образом обработанный кусочек дерева принимается за слона, то есть игрок может совершать им вполне определенную группу передвижений на доске, в то время как другие передвижения, если он хочет продолжить игру со своим партнером, совершать не может. При этом *Y* представляет собой феномен, сконструированный людьми, *не существующий* вне некоторой *совокупности договоренностей* между людьми. Действительно, для человека, не знакомого с игрой в шахматы, слон не более чем забавная фигурка, с которой можно делать все что угодно, а не только передвигать по специальной квадратной доске, разделенной на 64 клетки.

На мой взгляд, конститутивные правила не относятся к классу тех правил, на основе которых (путем соединения с ними механизмов принуждения к исполнению) могут

формироваться институты. Они – по определению – обеспечивают “разметку” мира, окружающего индивидов, связывают наблюдаемые (и ощущаемые, чувствуемые) объекты с различными значениями, схожими для разных индивидов. В этой своей роли конститутивные правила обеспечивают возможность коммуникации между субъектами, их взаимопонимание, то есть фактически относятся к сфере языка. Последний же как таковой не является институтом. Безусловно, внутри языка есть различные правила, которые в определенных условиях (например, в школе, в процессе обучения) становятся формальными институтами (гарант – учитель, наказывающий за отступление от правила). Вне такого контекста правила использования языка, позволяющие возникать сообщениям (речи), также могут приобретать свойства институтов, но уже неформальных, – когда допущенные речевые ошибки порождают те или иные санкции. Однако основной санкцией за допущенные речевые ошибки становится непонимание адресатом сообщения того смысла, который хотел донести до него говорящий.

Такое “наказание” находит полную аналогию в “наказаниях” конкурентного рынка за “неправильное” ценообразование. Продавец, завышающий цену, разоряется, поскольку у него никто не покупает товар, а продавец, занижающий цену, разоряется, поскольку не возмещает издержки. При этом никто из покупателей не ставит и не решает задачи наказания таких продавцов, “наказание” оказывается естественным (и закономерным) следствием действий покупателей, решающих совсем другую задачу, – приобрести нужный им товар по минимальной цене.

Точно так же нарушение конститутивных правил “наказывается” нарушением коммуникаций, притом не только речевых. Индивиды, некорректно воспринявшие поведенческие денотаты символов, не относящихся к естественному языку, например, символическое значение флага государства или какого-то религиозного фетиша, наказываются окружающими за нарушение не конститутивных правил, а формальных или неформальных поведенческих норм, или регулятивных правил в терминологии Сёрла. Именно последние суть “настоящие” формальные или неформальные институты, предполагающие предварительное корректное применение конститутивных правил. Смысл такого предварительного применения конститутивных правил как раз и заключается в том, чтобы договориться “что есть что”, то есть установить связь между *знаком* и его *значением*.

Правила и институты

Как отмечает Е. Рибес-Иньеста, «в обыденном языке термин “правило” типично означает руководство для практических действий. Такое руководство обычно состоит из инструкций, описаний, советов и указаний последовательностей различных способов действий. Правила представлены как вербальные поведенческие (“делай это”, “не делай так”, “всегда поворачивай влево”, “остановись, когда горит красный свет” и т.д.) и иные виды сигналов и наглядные демонстрации» [Ribes-Iñesta, 2000, p. 44]. Это “бытовое” понимание достаточно точно отражает существенные характеристики правил и может быть положено в основу для построения *строгого* определения.

Правилом R будем называть знаковое выражение $\mathcal{R}$, описывающее порядок действий $A_1 \rightarrow A_2 \rightarrow \dots \rightarrow A_k$ (как физических, так и умственных) в некоторой ситуации S , приводящих к определенному результату R ¹³. Из данного определения следует, что правила по своей сути – алгоритмы. Как таковые они могут предполагать и действия отдельного индивида, и согласованные действия нескольких индивидов, обеспечивая их координацию и синхронизацию. Кроме того, можно утверждать, что некоторые поведенческие правила являются описаниями условных рефлексов: если возникает (складывается) S , действуй согласно $\mathcal{R}$.

¹³ Разумеется, приведенную условную формулу не следует трактовать как сведение любых правил только к линейной последовательности исполнения действий. Здесь вполне возможны ветвления, параллельное исполнение действий, обратные связи и т.п.

Такое соотношение правил и условных рефлексов позволяет уточнить понятие так называемых *имплицитных* (или неявных) правил: поскольку они – не знаковые выражения, то, согласно предложенному определению, не являются и правилами. Однако такой вывод не совсем точен, ибо условные рефлексы *записаны* на *электрохимическом* “языке” внутренних коммуникаций нервных сетей человека (и других животных), вне префронтальной коры головного мозга. Следовательно, явное формулирование каким-либо индивидом (для себя или для других) “внутреннего” правила (например, “я всегда действую таким-то образом”) означает *перевод* его с упомянутого электрохимического языка на естественный. Такое описание (перевод) может быть сделан и для особей других видов, демонстрирующих условно-рефлекторное поведение, например, для классических опытов И. Павлова с собаками, начинавшими выделять слюну в ответ на звонок.

Итак, мы определяем правила как *описания* тех или иных *связей действий и результатов* (в частности, порождающие регулярности), причем такие описания, которые позволяют (с достаточной надежностью) *предсказывать* последствия действий. Как всякие *описания*, правила могут формулироваться с разной степенью детальности (конкретности), которая зависит и от способностей формулирующего индивида, и от его намерений быть (или не быть) понятым тем, кому он хотел бы передать закодированное знание. Степень такой детальности явно зависит от объема и характера знаний *реципиента* сообщения: если опытному рабочему, знающему какое-либо устройство, достаточно общего правила “перед включением, проверь, готово ли устройство к работе”, то неопытному новичку необходимо детальное описание действий, которые ему имеет смысл совершить. При этом оба описания, как в форме *общего* предписания, так и в форме *подробного* алгоритма, *функционально эквивалентны*, однако предназначены для передачи *разным* реципиентам.

Важно подчеркнуть при этом, что для адресата правила – индивида, которому передается описание порядка действий или который сам формулирует для себя этот порядок, чтобы действовать в соответствии с ним для достижения результата *R*, важно быть *убежденным* в наличии описываемой правилом связи действий и последствий. Когда речь идет о простых, на собственном опыте практически проверяемых связях (типа “не суй руку в огонь, обожжешься”), *убежденность* в правильности такого описания неотличима от собственно правильности (истинности) соответствующего высказывания. В более сложных случаях, когда результат не дан непосредственно в ощущениях, а представляет собой некоторую *интерпретацию* событий, *убеждение* может существенно отличаться от (истинного) знания. Примером могут служить сотни и тысячи лет убежденности людей в том, что Солнце вращается вокруг Земли. Другой пример – магические “закономерности”: как отмечает Дж. Фрэйзер, “фундаментальное допущение магии тождественно... воззрению современной науки: в основе как магии, так и науки лежит твердая вера в порядок и единообразие природных явлений. У мага нет сомнения в том, что одни и те же причины всегда будут порождать одни и те же следствия, что свершение нужного обряда, сопровождаемое определенными заклинаниями, неизбежно приведет к желаемому результату, если только колдовство не будет сведено на нет более сильными чарами другого колдуна” [Фрэйзер, 2001, с. 69].

Как представляется, значительное число неформальных институтов, существующих в сфере повседневного поведения и представляющихся зачастую малоосмысленными, базируются именно на магических представлениях о якобы существующих взаимосвязях явлений. Для продолжения их существования сегодня, когда подавляющее большинство граждан (по крайней мере, в развитых странах) получают образование, основанное на научных знаниях, оказывается достаточным именно *убеждений*, – допущения ненулевой вероятности того, что магическая связь *может* быть.

Легко заметить, что описание технологии также зачастую имеет форму правил(а): “сначала делай то-то, затем – то-то”. В этой связи институты (точнее, входящие в них правила) также можно рассматривать как описания некоторых *социальных технологий*. Таким образом, подводя итоги проведенному анализу, можно утверждать, что

предложенная трактовка понятия правила хорошо “стыкуется” с рядом смежных понятий и не приводит к каким-либо противоречиям ни с логикой, ни с реальностью. Правила, понимаемые так, как это описано здесь, в случае дополнения их тем или иным внешним механизмом принуждения к исполнению, становятся полноценными институтами: формальными, если участники механизма принуждения *специализируются* на этой деятельности, и неформальными в противном случае.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азимов А.* Логика // *Азимов А. Я, робот. М.*. 1964.
Слобин Д., Грин Дж. Психоллингвистика. М., 1976.
Тамбовцев В.Л. Институты-как-равновесия vs институты-как-правила // *Журнал экономической теории.* 2013. № 4.
Фрэйзер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. Т. 1. М., 2001.
Хомский Н. О понятии “правило грамматики” // *Новое в лингвистике.* М., 1965. Вып. IV.
Al-Amoudi I. Immanent Non-algorithmic Rules: an Ontological Study of Social Rules // *Journal for the Theory of Social Behaviour.* 2010. Vol. 40. № 3.
Baum W.M. Rules, Culture, and Fitness // *Behavior Analyst.* 1995. Vol. 18. № 1.
Bernasconi-Kohn L. How not to Think about Rules and Rule-following: a Response to Stueber // *Philosophy of the Social Sciences.* 2006. Vol. 36. №1.
Bunge S.A., Wallis J.D., Parker A., Brass M., Crone E.A., Hoshi E., Sakai K. Neural Circuitry Underlying Rule Use in Humans and Nonhuman Primates // *Journal of Neuroscience.* 2005. Vol. 25. Is. 45.
Campos A., Dignum F., Dignum V. From Individuals to Social and Vice-versa // *Lecture Notes in Computer Science.* 2009. Vol. 5485.
Clague C. Rule Obedience, Organizational Loyalty, and Economic Development // *Journal of Institutional and Theoretical Economics.* 1993. Vol. 149. № 2.
Cullen C. The Trouble with Rules // *The Psychologist.* 1998. Part 10.
Davies M. Interaction without Reduction: the Relationship between Personal and Sub-personal Levels of Description // *Mind & Society.* 2000. Vol. 1. Is. 2.
Gerrans P. Tacit Knowledge, Rule Following and Pierre Bourdieu’s Philosophy of Social Science // *Anthropological Theory.* 2005. Vol. 5. № 1.
Gomolińska A. Derivability of Rules from Rule Complexes // *Logic and Logical Philosophy.* 2002. Vol. 10.
Gourlay S. Conceptualizing Knowledge Creation: a Critique of Nonaka’s Theory // *Journal of Management Studies.* 2006. Vol. 43. № 7.
Guala F. The Normativity of Lewis Conventions // *Synthese.* June 2012. Forthcoming. DOI 10.1007/s11229-012-0131-x
Greif A., Kingston C. Institutions: Rules or Equilibria? // *Political Economy of Institutions, Democracy and Voting.* Berlin–Heidelberg, 2011.
Hands W. The Positive–Normative Dichotomy and Economics // *Philosophy of Economics.* Vol. 13. *Handbook of the Philosophy of Science.* Amsterdam, 2012.
Haukioja J. Is Solitary Rule-following Possible? // *Philosophia.* 2005. Vol. 32. Is. 1–4.
Hayes S.C., Hayes L.J. The Verbal Action of the Listener as a Basis for Rule-governance // *Rule-governed Behavior: Cognition, Contingencies, and Instructional Control.* New York, 1989.
Hodgson G.M. Economics and Institutions: a Manifesto for a Modern Institutional Economics. Cambridge, 1988.
Hodgson G.M. What are Institutions? // *Journal of Economic Issues.* 2006. Vol. XL. № 1.
Kaisla J. Market Process and the Firm: Some Indications of Rule-following and Entrepreneurship under Genuine Uncertainty. DRUID Working Paper № 98–17. Copenhagen. 1998.
Kapur B.K. A Communitarian Utility Function and its Social and Economic Implications // *Economics and Philosophy.* 1999. Vol. 15. Is. 1.
Kripke S. Wittgenstein on Rules and Private Language. Cambridge (Mass.), 1982.
Lawson T. Reorienting economics. London, 2003.
Lorini G. Can Constitutive Rules Create a Practice? // *Praxis Filosófica.* 2012. № 34.
Montola M. The Invisible Rules of Role-playing: the Social Framework of Role-playing Process // *International Journal of Role-playing.* 2008. Is. 1.
Murphy R.A., Mondragón E., Murphy V.A. Rule Learning by Rats // *Science.* 2008. Vol. 319 (5871).

- Nielsen K.* The Concept of Tacit Knowledge – a Critique // *Outlines: Critical Social Studies*. 2002. № 2.
- Noelle D.C.* On the Neural Basis of Rule-guided Behavior // *Journal of Integrative Neuroscience*. 2012. Vol. 11. № 4.
- Ogien A.* Rules and Details: From Wittgenstein and Rawls to the Study of Practices // *Journal of Classical Sociology*. 2009. Vol. 9. № 4.
- Ostrom E.* An Agenda for the Study of Institutions // *Public Choice*. 1986. Vol. 48. Is. 1.
- Patterson D.* Normativity and Objectivity in Law // *William and Mary Law Review*. 2001. Vol. 43. Is. 1.
- Pelaez M., Moreno R.* Four Dimensions of Rules and Their Correspondence to Rule-governed Behavior: a Taxonomy // *Behavioral Development*. 1999. Vol. 8. № 1.
- Pleasant N.* Nothing is Concealed: De-centering Tacit Knowledge and Rules from Social Theory // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 1996. Vol. 26. № 3.
- Rakoczy H., Brosche N., Warneken F., Tomasello M.* Young Children’s Understanding of the Context-relativity of Normative Rules in Conventional Games // *British Journal of Developmental Psychology*. 2009. Vol. 27.
- Rakoczy H., Tomasello M.* Done wrong or said wrong? Young Children Understand the Normative Directions of fit of Different Speech Acts // *Cognition*, 2009. Vol. 13. № 2.
- Reese H.W.* Rules and Rule-governance: Cognitive and Behavioristic Views // *Rule-governed Behavior: Cognition, Contingencies, and instructional Control*. New York, 1989.
- Ribes-Iñesta E.* Instructions, Rules, and Abstraction: a Misconstrued Relation // *Behavior and Philosophy*. 2000. Vol. 28. Is. 1.
- Schmidt M., Rakoczy H., Tomasello M.* Young Children Enforce Social Norms Selectively Depending on the vViolator’s Group Affiliation // *Cognition*. 2012. Vol. 124. № 3.
- Shimanoff S.B.* Communication Rules: Theory and Research. Beverly Hills (Cal), 1980.
- Sillari G.* Rule-following as Coordination: a Game-theoretic Approach // *Synthese*. 2013. Vol. 190. Is. 5.
- Skinner B.F.* An Operant Analysis of Problem Solving // *Problem Solving: Research, Method and Theory*. New York, 1966.
- Stueber K.* How to Think about Rules and Rule Following // *Philosophy of the Social Sciences*. 2005. Vol. 35. № 3.
- Tsoukas H.* Do We Really Understand Tacit Knowledge? // *The Blackwell Handbook of Organizational Learning and Knowledge Management*. Cambridge (Mass.), 2003.
- Vanberg V.J.* Rational Choice, Preferences over Actions and Rule-following Behavior. Freiburg Discussion Papers on Constitutional Economics. № 07/6. Walter Eucken Institute. Freiburg, 2007.
- Wallis J.D., Anderson K.C., Miller E.K.* Single Neurons in Prefrontal Cortex Encode Abstract Rules // *Nature*. 2001. Vol. 411.
- Wallis J., North D.* Coordination and Coercion: the Nature of Rules, Governments, States, and Social Dynamics. Paper Prepared for the All-UC Conference “Historical Perspective on Political Elites and Economic Growth” at Chapman University. May 31–June 1, 2013 (http://allucgroup.iga.ucdavis.edu/conferences/historical-perspectives-on-political-elites-conf/papers/WallisNorth_GS.Chapman.2013.pdf).
- Wittgenstein L.* Philosophical Investigations. New York, 1953.
- Wyman E., Rakoczy H., Tomasello M.* Normativity and Context in Young Children’s Pretend Play // *Cognitive Development*. 2009. Vol. 24. № 2.
- Zhou Y., Zhang Y.* Rule Calculus: Semantics, Axioms and Applications // *Logics in Artificial Intelligence. Lecture Notes in Computer Science*. 2008. Vol. 5293.